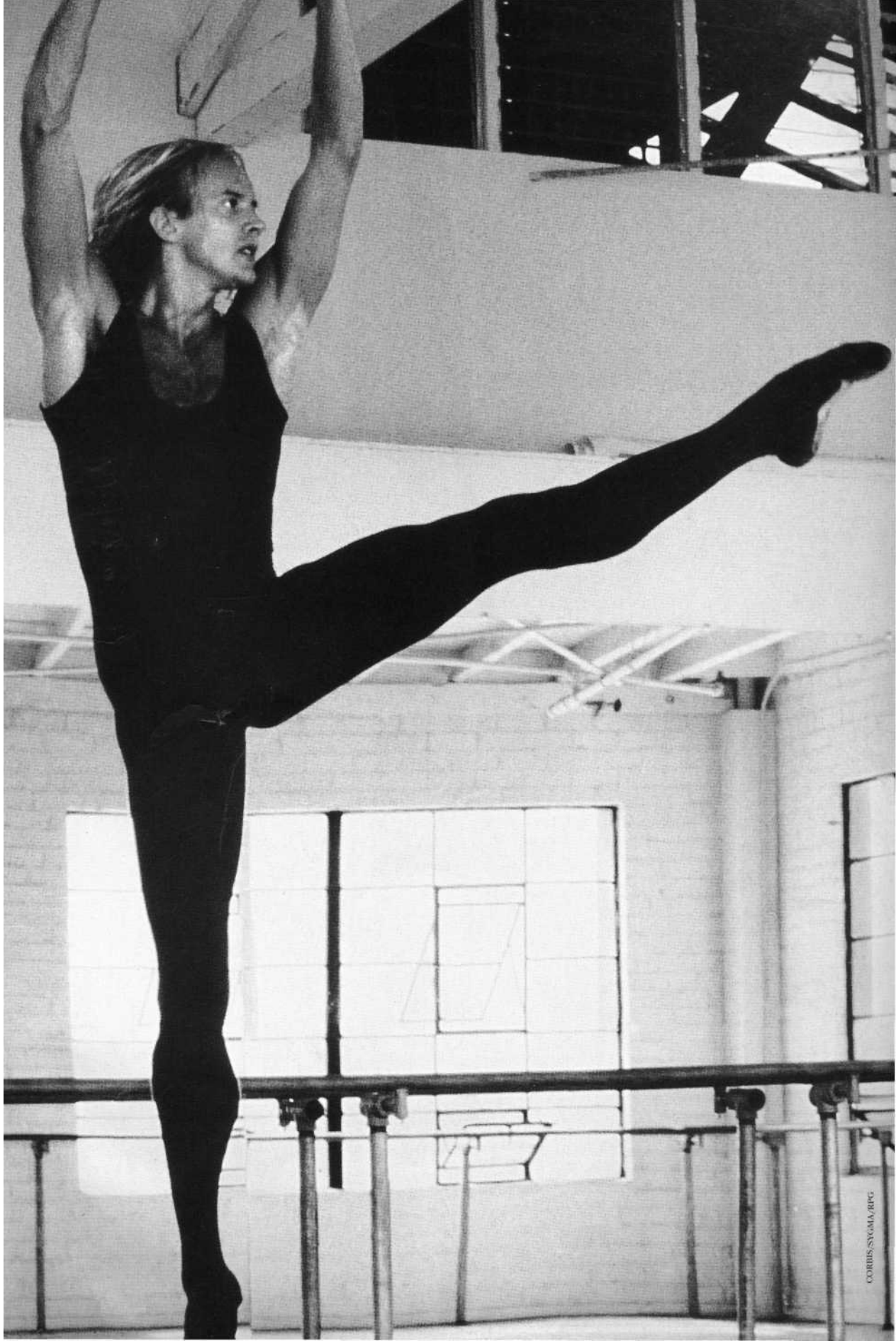

Людмила Власова:
«Всю жизнь он любил
только тебя», —
сказала Жаклин Биссет

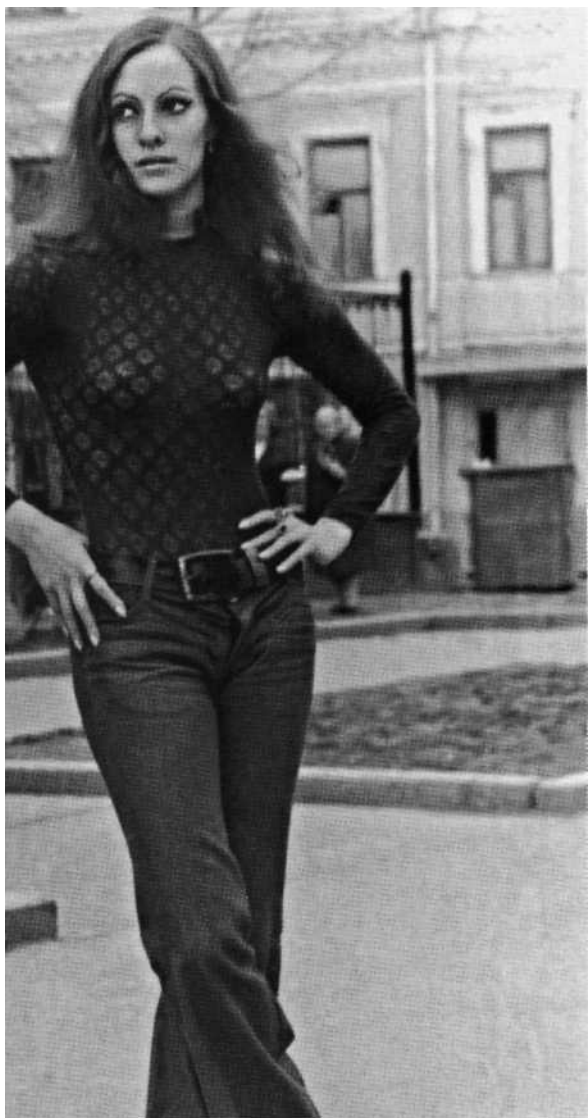
Самфлет уже вырулил на взлетную полосу как вдруг его оцепили полицейские машины и лолпа демонстрантов с плакатами «Свободу Людмиле Власовой!» В аэропорту Кеннеди никто еще не догадывался, что борьба за пассажирку первого класса рейса Нью-Йорк—Москва только начинается и продлится три дня. О том, что рядом, на летном поле в маленьком микроавтобусе находится виновник ареста самолета, знала только она одна..

Саша станцевал свой, как потом оказалось, последний спектакль в «Метрополитен» 19 августа 1979 года. Балет «Ромео и Джульетта», где Годунов исполнял партию Тибальда, сочиненную Юрием Григоровичем специально для него, имел ошеломляющий успех... В тот вечер я ушла на репетицию, оставив Сашу отдыхать в двухместном «люксе» отеля «Мей Флауэр» неподалеку от «Метрополитен». Впереди у него было три свободных дня. Вернувшись и не застав мужа в номере, я решила, что он в гостях у наших друзей, хотя отсутствие записки мне показалось странным. Ночью не спала ни секунды, вздрагивая при каждом шорохе, сердце сжималось от дур-

ных предчувствий. Наутро я поняла — он не вернется! Меня охватила паника: что делать дальше? Надев черные очки, я отправилась в соседний отель. Там на 50-м этаже был бассейн, где я могла просидеть целый день, не опасаясь встретить кого-нибудь из труппы и не отвечать на бесконечные вопросы «Где Саша?» После вечернего спектакля, подходя к отелю, я невольно обратила внимание на длинную машину. На первый взгляд ничего необычного в стоявшем у тротуара автомобиле не было, только шофер сидел слишком прямо, не поворачивая головы и не убирая с руля рук в черных перчатках. Вдруг сзади мелькнула чья-то тень, и я в ужасе бросилась бежать: «Это не Саша. Но кто? Меня хотят украсть!» Вот тут стало по-настоящему страшно: ведь я осталась совершенно одна в чужом городе. Где

Сзади мелькнула чья-то тень, и я в ужасе заметалась: «Это не Саша. Но кто? Меня хотят украсть!» Вот тут стало по-настоящему страшно

ты, Саша?! Уже у себя в номере, расплакавшись, все рассказала зав. труппой. Он пришел в ужас: «Милочка, что делать? Ты же прекрасно понимаешь, что мы не можем этого скрывать».

...Я сразу же догадалась, кто его увел и как именно развивался сценарий бегства. Вокруг мужа все время вертелся фотограф по фамилии Блюх, снимал его, еще когда он учился в Риге, потом в Москве. Спустя время Владимир Блюх эмигрировал в Штаты. В Нью-Йорке он приходил к нам в отель и сделал целую серию снимков, на которых, думаю, обогатился — газеты и журналы всего мира после случившегося скупили их у него за бешеные деньги. Через три дня американская пресса пестрела фотографиями пьяного Годунова, спящего среди бутылок. Не сомневаюсь, Блюх и был посредником побега. Каждый раз при встрече он горячо убеждал: «Я тебе как профессионал говорю: в Америке ты сможешь не только танцевать, ты станешь голливудской звездой!» (На панихиде Саши в Лос-Анджелесе, как мне рассказывали, все стены были увешаны снимками Блюха, а сам он рыдал над гробом: «Это я виноват во всем!») Организаторы гастролей не скрывали, что мечтают заполучить Годунова, но тем не менее решение Саши остаться в Америке все-таки было спонтанным. Я уговаривала его потерпеть: после триумфальных гастролей он наверняка попал бы в элиту и, как немногие избранные — Рихтер, Плисецкая, Максимова, Васильев, — смог бы получить контракт за границей. Когда мне те же люди предложили стать фотомоделлю, я поняла: это уже не просто разговоры... Я уверена, они сыграли на Сашиной слабости к выпивке: заманили в гости, напоили, может, что-то и подмешали, а когда на следующий день он очнулся, запугали: «Зна-

В хореографическое училище меня привела за руку мама. Она заметила, как я, едва услышав по радио музыку, начинаю кружиться на большой общей кухне, и решила отдать меня в балет

Вместе с мужем Станиславом Власовым мы с успехом танцевали в номере «Летите, голуби»...

Вдруг раздался шум, и в салон самолета ворвалась толпа репортеров с щелкающими вспышками, переводчица и представители ФБР

ешь, что с тобой будет, если сейчас заявившись, — станешь навеки невыездным. У тебя нет другого выхода». А на его вопрос «Где Мила?» — ответили: «Не волнуйся, получишь свою Милу».

Саша мечтал танцевать у Мориса Бежара, мечтал работать за границей. Но во времена «железного занавеса» это было нереально. КГБ видел в нем потенциально невозвращенца, и Годунов около пяти лет был невыездным. Комитетчиков раздражало в нем все: в том числе и то, что он, как хиппи, носит джинсы и длинные волосы. Его заставляли постричься, стыдили: «Это тлетворное влияние Запада!», а он ссылался на длинноволосых Марка, Энгельса и Чернышевского и не желал расставаться со своими белокурыми волосами. Если бы его не держали под замком, ничего бы не было: органы сами спровоцировали его побег. Не выпускали на гастроли лишь за то, что мальчик из Прибалтики слишком талантлив, невероятно красив и опасно свободолобив, хотя вся реклама балета Большого за рубежом строилась на его имени — готовили афиши и буклеты с его

портретами, и на нем держался репертуар: Вронский, Тибальд, Спартак, Хозе, Иван Грозный... А потом ввали, что Годунов, к сожалению, болен и, извините, господа, не смог приехать. Перед последней поездкой в США его вызвали на беседу в Министерство культуры, пообещав после гастролей более роскошную квартиру, чем трехкомнатная в Брюсовом переулке, и звание народного. (Он был уже заслуженным артистом и получал высшую ставку премьера.) Подкупали заранее, подстраховываясь и надеясь, что на Западе не смогут перекупить. Но его заманили не деньгами, а славой, свободой...

В моем номере вскоре собралось наше руководство и сопровождавшие труппу Большого гэбэшники. Все пребывали в мрачном настроении и тихо обсуждали создавшуюся ситуацию. Обзвонили друзей и знакомых, больницы, morgi — Саша не было нигде... Поздно ночью молча потянулись к выходу. В дверях задержался «товарищ» и осторожно спросил: «Мила, а что ты решила?» «Отправьте меня домой, и побыстрее», — устало ответила я. Я уже легла в постель, когда у двери вдруг раздались шаги. Потом кто-то позвонил. Я на цыпочках подошла к двери и спросила: «Кто?» В ответ — тишина, только очень близко — чье-то дыхание. «Пока не скажете, что вам нужно, не открою», — громко сказала я. За дверью по-прежнему молчали. «Это приходили от Саша», — мелькнуло в голове. Нервы были напряжены до предела, я во всем искала знак от него. Утром кто-то тронул меня за плечо: «Милочка, вставай». Оказывается, пока я спала, в номер вошли двое «наших» и охраняли меня до утра. Днем, решив, что оставлять в отеле меня небезопасно, тайком через подземный гараж, долго путая следы, вывезли в советское консульство. Весь отель уже был окружен репортерами и демонстрантами, которые громко скандировали: «Свободу! Свободу!»

Меня сразу же привели к консулу: «Мужайтесь, Людмила! Ваш муж попросил политического убежища у властей США». В ответ я твердила в который раз: «В Москву. К маме!» А сама думала: «Боже мой, Саша! Неужели никогда?» Только потом я поняла, какую радость испытали сотрудники КГБ от того, что меня не пришлось «обрабатывать»!

На следующий день меня решили отправить пятичасовым рейсом «Аэрофлота» в Москву. На прощание консул предупредил, что в аэропорту возможны провокации: меня могут атаковать репортеры, а главное — попытаются выкрасть. Посольская машина долго кружила и петляла вокруг аэропорта Кеннеди — я заметила, что одно и то же здание мы проехали трижды. Но, как ни странно, мы не опоздали, самолет ждал одну пассажирку — меня. Быстро провели через турникет, посадили в совершенно пустой первый салон. Сопровождающие консул и люди в штатском с облегчением и благодарностью долго жали мне руки на прощание. Услышав, как закрывается дверь и отъезжает трап, я закрыла глаза. Больно заныло

Все закрутилось настолько стремительно, что уже через три месяца наших с Сашей встреч я поняла, что это не роман, а судьба

Нина Сорокина сразу сказала мне: «Не надейся, что это будет романчик. Он тебя уведет! Силой своей, талантом»

сердце: «Ну вот и все». Вдруг раздался шум, и в салон ворвалась толпа репортеров с шелкающими вспышками, переводчица и представители ФБР. «Госпожа Власова, вас насильно увозят от мужа, мы пришли вам помочь», — переводит мне девушка с заметным украинским акцентом. «Я сама решила уехать», — отвечаю я и замечаю за их спинами побледневшего сотрудника консульства. «Он здесь, рядом. Он вас так любит! Выйдите к нему и скажите сами, что это ваше добровольное решение», — меняет тон и присаживается рядом переводчица. Так началась эта эпопея, которая длилась три дня. Меня уговаривали, подкупали, упрасивали выйти к Саше. «Нет, нет, это невозможно!» — твердила я. Все эти дни он, оказывается, был рядом — вначале в аэропорту, потом на летном поле, в микроавтобусе. Саша не верил сотрудникам ФБР, которые передавали ему результаты переговоров в самолете: «Людмила сама хочет лететь домой». Он только повторял: «Отдайте мою жену!».

Все это время ко мне в самолет приходил Юрий Григорович и подолгу сидел рядом. Мы старались не

говорить на большую тему, обсуждали будущие постановки, но скрыть друг от друга, что сейчас здесь разыгрывается настоящая трагедия, никак не удавалось: у меня все время наворачивались слезы. Он старался шутить: «Ну, Мила, тебя такие телохранители стерегут, просто на подбор!» Американские brave парни, которые сторожили меня, стоя за занавеской, уже узнавали Юрия Николаевича при входе в самолет и отдавали честь: «Хэлло, Юрий!» Буквально плечом к плечу с ними около моего кресла сутки напролет дежурили и наши мальчишки.

Пассажиры второго салона, просидевшие эти три дня вместе со мной, прильнули к транзисторам. На предложение лететь домой другим рейсом все они ответили отказом и потом, в воздухе, просили меня оставить автограф на авиабилетах. «Голоса» через каждые полчаса передавали новости с летного поля аэропорта Кеннеди. Говорили, что президент Картер позвонил Брежневу, пытаясь урегулировать вопрос о воссоединении семьи, что американцы подозревают о давлении наших органов на балерину и поэтому предложено вести с ней переговоры на нейтральной полосе. Действительно, к люку самолета, который считался территорией СССР, молниеносно пристроили длинную кишку, ведущую в небольшую комнату. На переговоры со мной отправились консул и Григорович. С американской стороны присутствовали представитель ООН, переводчик, Сашин адвокат и врач. Последний должен был определить, не накачана ли я наркотиками. Меня опять долго уговаривали остаться, в ответ я твердила, что хочу домой, что безумно люблю Сашу, но не могу навсегда разлучиться с мамой, театром, друзьями и, как ни банально это звучит, с родиной. (Я хорошо знала ситуацию с Нуреевым: только спустя много лет Рудольф смог на мно-

вение увидиться с мамой, уже умирающей. Ее не выпустили к сбежавшему сыну.) Американцы не могли поверить, что это мое добровольное решение, а не внушенное органами. Адвокат Саши сделал последнюю попытку уговорить меня: «Если не хотите оставаться здесь, мы увезем вас в Париж». Но я не согласилась — выбор сделан. После переговоров тут же разрешили вылет самолета. Когда завели моторы, вдруг в жаркий солнечный день сверкнула молния и хлынул жуткий ливень. Я прижалась лицом к залитому дождем иллюминатору, и у меня градом полились слезы: «Саша, милый, прощай!» На поле под крылом все еще стоял микроавтобус, в окне мелькнула чья-то белокурая голова...

С тех пор я его больше никогда не видела.

— А если бы вы попросили его вернуться с вами домой?..

— Думаю, он полетел бы. Но я не могла ему этого предложить, ведь в таком случае сломала бы не только Сашину карьеру, но и жизнь. Представляете, что его ждало на родине?!

На все фантастические предложения достаточно известных людей бросить ради них мужа я отвечала отказом

В Москве я как во сне продолжала ходить на репетиции. В театре многие, кто завидовал нашей любви, злорадовались, кто-то осуждал, а кто-то молча обнимал за плечи.

Через месяц Саша позвонил. Он говорил очень медленно, как после тяжелой болезни: «Мила, я не предатель. Когда-нибудь при встрече я расскажу тебе, как все это произошло. Скажи, тебя не держали, Мила?» — «Я

Саша остается работать за рубежом по контракту, добавив: «Америка исключается! С этой страной у нас плохие отношения, американцы против нашего присутствия в Афганистане. Любая европейская страна — пожалуйста». Саша сделал буквально невозможное: не имея еще американского гражданства, подписал контракт с ФРГ. Наши предложили мне поселиться в Восточном Берлине, чтобы муж мог ездить ко мне через границу.

Когда Годунов представил Жаклин Биссет, его спросили: «Саша, это твоя жена?» Он ответил: «Нет, моя жена в России»

сделала это сама». Он не сдержался и зарыдал. (Мы прекрасно понимали, что мой телефон прослушивается КГБ и старались не говорить лишнего.) В течение года он звонил мне каждый день — все еще жила надежда на встречу. Я тут же перезванивала — мы оба безумно скучали друг по другу и говорили часами. Нашей историей продолжали заниматься сотрудники госбезопасности. Я лично встречалась с помощником Андропова, который, как мне казалось, очень искренне желал помочь нам воссоединиться. Он предложил мне такой вариант:

Какое было счастье! Я ждала его звонков, никуда не выходила, сидела у телефона как привязанная. Мы уже строили планы, но за день до вылета из Москвы я вдруг узнала, что в подобной ситуации похитили нашего спортсмена. То же самое могли сделать и с Сашей! Я была убита — так больно упасть с облаков на землю! Видимо, те же сомнения терзали и его, потому что, когда я сказала: «Сашенька, это невозможно. Ты же понимаешь, что может быть...» — в ответ он промолчал. Но надежда встретиться нас не оставляла. Он писал письма, в одном

...Постепенно жизнь взяла свое. Я встретила хорошо-го человека, оперного певца Юрия Статника. Когда мы поженились, все шутили: «От одного Годунова перешла к другому Годунову». Дело в том, что муж пел на сцене Большого театра Бориса Годунова. Саша передавал в уже редких телефонных звонках приветы счастливи-ку. Я знала, что у него роман с кинозвездой Жаклин Бис-сет. Они прожили вместе восемь лет, хотя и не жени-лись официально. Когда в период потепления отноше-ний между нашими странами в Лос-Анджелес приехала на гастроли труппа Большого, на спектакль пришел Са-ша с Жаклин. Оба были в белых костюмах, загорелые и необыкновенно красивые. Когда он представил Жак-лин, его спросили: «Саша, это твоя жена?» Он ответил: «Нет, моя жена в России». Они остались на банкет, ко-нечно, он там выпил и вдруг заплакал, повторяя: «Я с ва-ми, я с вами!» На следующий день обещал прийти в класс, но рано утром Жаклин, почувствовав опасность нервного срыва, увезла его в Париж. Он старался не встречаться с соотечественниками, потому что от пере-живаний и ностальгии срывался и много пил. Говорят, он хотел, чтобы Жаклин родила ему ребенка, но та счи-тала карьеру важнее.

Когда к Саше в Америку прилетели мама с братом, они остановились в гостинице: ему было нестерпимо тяжело привыкнуть к ним, а потом снова надолго рас-статься. Он все собирался в Москву, мечтал, ничего ни-кому не сказав, погулять по улицам, потом сюрпризно нагрянуть в гости к друзьям, но все это так и осталось

Получив гонорар за очередные съемки, Саша преподносил мне коробочку с бриллиантовым перстнем или подвеской: «Я получил денежки»

Володя Тихонов как-то рассказал мне, что за рубежом торгуют аудиокассетами с записями нашего телефонного романа...

из последних пообещал: «Я переверну весь мир, но мы будем вместе...» Он продолжал бороться: передал мне через знакомых приглашение в Израиль от тети Бэлы, «моей дальней родственницы». Потом, отчаявшись, остывал, понимая, что меня ни за что не выпустят из стра-ны. Володя Тихонов, танцовщик, вернувшись из зару-бежных гастролей, рассказывал мне, что там с рук во-всю торгуют аудиокассетами с записями нашего теле-фонного романа...

Года через полтора нас развели через посольство: мне принесли какие-то бумаги, и я подписала. Я про-должала танцевать в Большом, о гастролях можно было забыть. Надежд на встречу практически не осталось.

Прошло время. Оставив балет, я стала хореографом танцев на льду. Саша не пропускал по телевизору ни одного соревнования по фигурному катанию и тут же звонил: «Какая ты красивая!» (Кстати, мои ученики Ма-рина Анисина и Гвендаль Пейзерат стали чемпионами мира. А итальянская пара в этом сезоне завоевала ев-ропейское золото.) Как-то я собиралась на показа-

мечтой. Лишь на четыре дня после съемок в Будапеште он заехал к маме в Ригу и после этой поездки твердо ре-шил перевезти родственников к себе в Лос-Анджелес. Но все оборвалось так внезапно...

— **Вас с Сашей познакомил балет. Как вы оба при-шли в него?**

— Меня, арбатского ребенка из густонаселенной ком-муналки, в хореографическое училище привела за руку мама. Она заметила, как я, едва услышав по радио музы-ку, начинаю кружиться на большой общей кухне, рискуя быть ошпаренной кипятком, и решила отдать меня в ба-лет. Самое интересное, что, несмотря на твердое реше-ние стать балериной, меня с юности преследовало кино. В последний год учебы нас, выпускников, водили в Большой театр на все премьеры. Помню, мы всегда сиде-ли в 1-3-й ложе. Однажды какая-то женщина из партера, увидев меня, подбежала и закричала: «Стойте! Не дви-гайтесь!» Я не успела даже удивиться, как она ворвалась в ложу и бросилась ко мне: «Умоляю, приходите завтра на пробы на «Мосфильм». Мы ищем Наташу Ростову». На

студии меня загримировали, уложили волосы в высокую прическу и повязали вокруг шеи газовый шарф. Сделали снимок и подвели к Бондарчуку. Сергей Федорович попросил меня прочитать что-нибудь из сценария. Когда перезвонили со студии и пригласили прийти на пробы, мама за меня ответила: «Милу приняли в Большой театр, она не сможет целых четыре года сниматься

пригласила попробоваться в фильм «Герой нашего времени». На пробах, когда без предупреждения к моим ногам бросился красивый Печорин-Ивашов с пылким объяснением в любви, я от волнения забыла весь текст. Потом уехала на гастроли, и с ролью Бэлы пришлось распрощаться. Однако в кино все-таки я снялась, причем вместе с Сашей — в фильме «31 июня».

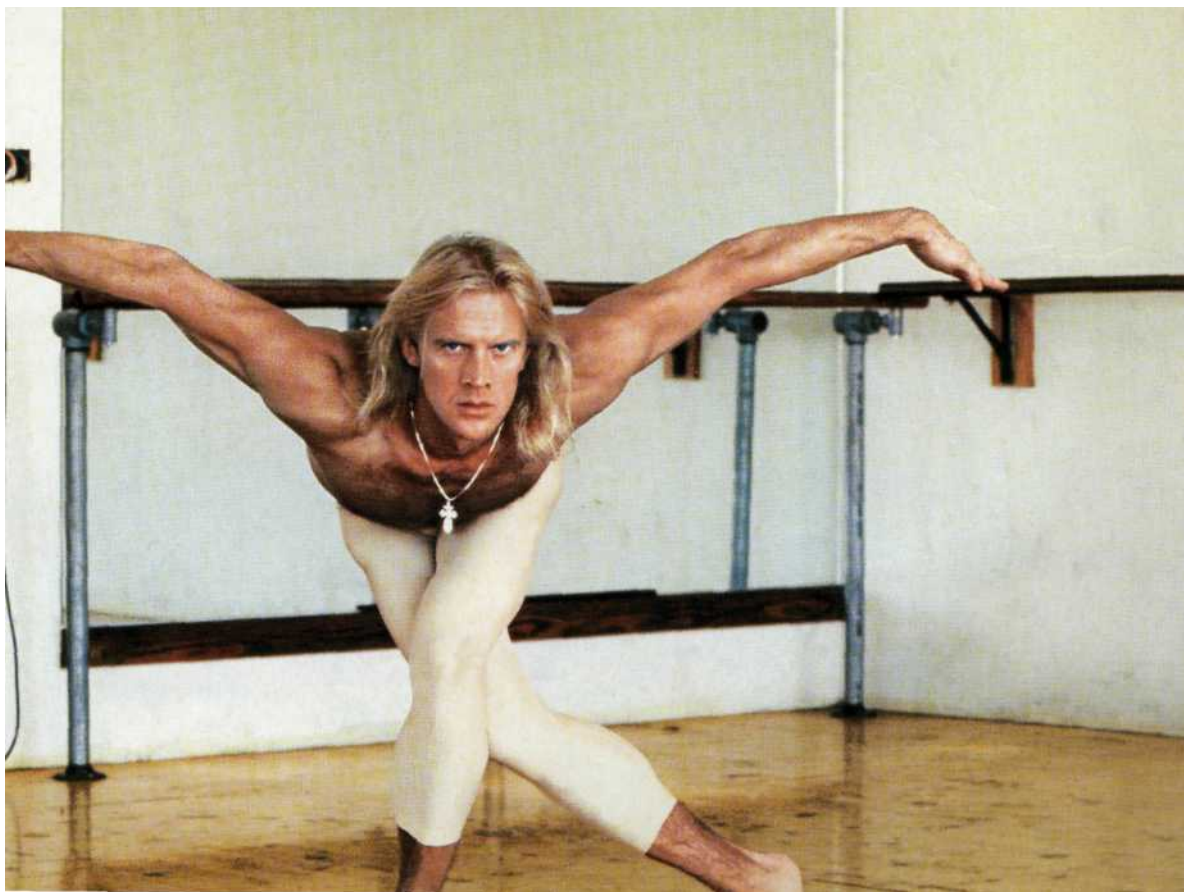
В Большой театр его пригласил Григорович, но уже тогда чиновникам Годунов внушал страх: «Слишком ярок, талантлив и красив — сбежит!»

в фильме». Кстати, Наташу сыграла Людмила Савельева, тоже выпускница хореографического училища. Но кино меня все равно не отпускало. Однажды на занятия в класс, уже в театре, где занимались все — от солистов до новичков, — пришла ассистентка режиссера Станислава Ростозкого и, примостившись на стульчике, просидела не шелохнувшись до последнего реверанса. Я стояла у станка в самом дальнем углу и все время чувствовала на себе ее взгляд. После занятий она подошла ко мне и

Саша заканчивал Рижское хореографическое училище вместе с будущей звездой балета Михаилом Барышниковым. Учиться танцевать он пошел в 9 лет по настоянию мамы, несмотря на то что был очень маленьким и всегда стоял позади Миши. Вытянулся Саша неожиданно, буквально за полгода до восемнадцатилетия.

В Риге его заметил Игорь Моисеев и пригласил в Москву в свою труппу. Так наши пути, постепенно сближаясь, пересеклись в Большом театре...

Они были созданы друг для друга — балет и Годунов

А тогда, в первый день работы в Большом, мы с подружкой Ниной Сорокиной встретились рано утром у фонтана. Я помню, с каким трепетом мы взяли за старинную бронзовую ручку служебного подъезда и потянули ее на себя. Потом шли по длинному коридору и страшно боялись с кем-нибудь из знаменитостей не поздороваться. На меня почти сразу обратил внимание мой будущий муж, прекрасный танцовщик Станислав Власов. Он был старше меня на десять лет, тем не менее очень быстро мы стали партнерами. Он поставил номера «Летите, голуби» и «Царевну Лебедь», которые имели огромный успех и у нас, и за рубежом. Нашими портретами пестрели обложки лондонских и японских журналов. Вскоре мы поженились (мне было чуть больше двадцати) и прожили вместе десять лет. Это было настоящее семейное счастье и богатый дом. Но одна встреча перечеркнула годы гармоничного брака и перевернула нам всем жизнь...

Как-то я пришла в ВТО на просмотр фильма «Трапедия». В компании друзей пила в буфете шампанское и вдруг заметила, что за мной пристально наблюдает высокий белокурый юноша, чем-то напоминавший викинга. «Кто это?» — «Разве ты его не знаешь? Это же Годунов из «Московского балета», все о нем только и говорят». Я тут же вспомнила, что слышала в театре о рижанине, который танцует у Моисеева.

Он стоял за колонной, не решаясь подойти, и от волнения крутил пуговицу на куртке. Я заговорила первой: «А у вас пуговица болтается. Если потеряется, будет очень жалко, она красивая». — «А вы не поможете ее пришить?» — «Может быть, когда-нибудь». В зале я невольно следила за ним: весь фильм он так и простоял за колонной, в синих джинсах и замшевой куртке с болтающейся пуговицей. Когда я подошла к нему сама и предложила: «Можете меня проводить», он смутился. Мы сели в совершенно пустой троллейбус и всю дорогу простояли рядом на задней площадке. Он не сводил с меня глаз. «Я вообще-то не картина». — «Я знаю». Стояла теплая весенняя ночь. Мы шли к дому, я все время шутила, он больше молчал. Потом Саша признался, что заметил меня еще в 17 лет на репетиции и мечтал все это время только обо мне. Я заинтересованно посмотрела на него: «А сколько же вам лет?» — «Отгадайте». — «27? 26? 25?» Он испугался, покраснел и выпалил: «22!» Как оказалось, он тогда все же прибавил себе год. Когда дошли до подъезда, он робко спросил: «Я могу позвонить?» — «Можете, только если я буду вешать трубку, это будет означать: муж рядом и я не могу говорить».

С тех пор мы стали каждый день бегать друг к другу на свидания на черную лестницу рядом с гримуборными. Порой эти встречи длились всего пять минут, но не видеться совсем было невыносимо. Когда Саша впервые на сцене Большого танцевал Принца, я не смогла прийти и послала ему розы с запиской. В театре, конечно, догадались о наших отношениях и тут же доложили мужу. Нина Сорокина сразу сказала мне: «Не надейся, что это будет романчик. Он тебя уведет! Силой своей, талантом». Тогда я удивилась, ведь до сих пор на все фантастические предложения достаточно известных людей бросить ради них мужа я отвечала отказом. Но ее пророчество сбылось. Наш разрыв был трагедией не

Говорят, он хотел, чтобы Жаклин родила ему ребенка, но та считала карьеру важнее

только для Славы, но и для меня: я уходила и тут же возвращалась. В один из таких «уходов» к Годунову меня с чемоданом отвозил Юра Владимиров, муж Сорокиной, — мы дружили семьями. Остановившись у Сашиного дома, он предложил: «Я подожду». Ночью я вышла с вещами и вернулась домой в Юриной машине. В который раз...

Я забрала только личные вещи, они уместились в одном чемодане. Все в театре удивлялись: «Как ты могла уйти, не взяв ничего?» На улице Мясковского у нас была чудесная двухкомнатная квартира с уникальным ремонтом и антикварной мебелью — стройматериалы, обстановка были привезены из-за границы. Вся Москва восхищалась нашим необычным дизайном. Вместо

Я заплакала, когда прочитала в Сашинем дневнике: «Не бросай меня! Если ты меня когда-нибудь оставишь, я погибну»

— **А почему вы не могли принять окончательное решение?**

— Муж был потрясающим человеком. Но все закрылось настолько стремительно, что уже через три месяца наших с Сашей встреч я поняла, что Саша уготован мне судьбой. И это несмотря на то что он был младше меня на семь лет, а мужа — на семнадцать! Мальчишка! Саша терпеливо ждал, когда я перестану метаться и уйду к нему навсегда. В мой последний уход мы встретились у дома, выпили по бокалу шампанского в кафе и зашли в квартиру.

стола у нас стоял бар, в деревянный потолок был вмонтирован светильник в стиле «модерн». Ванная напоминала грот: черные и ярко-желтые плитки бились и наклеивались произвольно кусочками на стены. В одну стену был вмонтирован мой портрет на чеканке — его выполнили по заказу мужа художники. Саша был в этом доме всего один раз — помог мне вынести чемодан. Я так нервно собирала вещи, что забыла один сапог. Саша все это время молча сидел на полу: он был явно подавлен роскошной обстановкой и думал про себя: «Что я могу? Я должен сделать для нее то же самое». Мужу я ос-

Гудонов — гениальный танцовщик, которому Бог дал абсолютно все — идеальную фигуру и блестящие актерские данные

тавила записку, мы взяли такси и уехали к Саше. Уже навсегда!

На следующий день меня из класса вызвал Слава: «Я тебя прошу, давай сегодня же подадим на развод». Мы стали жить в Сашиной квартирке, которую он обил для меня фиолетово-розовым ситцем, а над кроватью повесил балдахин из того же ситца. Больше в комнате ничего не было. Мы обожали сидеть на паласе перед телеви-

лей, ни слова ни сказав, купил мне шубу. Получив гонорар за очередные съемки фильма о балете, вечером преподносил коробочку с бриллиантовым перстнем или подвеской: «Я денежки получил». Он никогда не спрашивал: «Милочка, что тебе купить?» У Саши был прекрасный вкус, и он всегда знал, чем меня поразить.

Первое время я не ощущала счастья — переживания от нанесенной мужу раны приносили такую боль, что

Мы отстояли панихиду, у Жаклин лились слезы ручьями, после обряда она шепнула мне на ухо: «Всю жизнь он любил только тебя»

зором и есть с подноса. Это было наше уютное гнездышко.

Первое время денег не хватало, и я продавала шубу, драгоценности. Мне все это было не нужно, а Саша очень переживал: «Как только начну ездить за границу, все тебе куплю». И действительно, я одна из первых в Москве носила роскошную шубу из песца, которую он мне купил на гастролях во Франции. Мы копили деньги на «Жиули», но он за три дня до окончания гастро-

заглушали все другие чувства. На следующий день после развода мы с Сашей подали заявление о браке. Опять нужно было ждать три месяца, но мы подлизались к сотруднице загса, подарив ей билеты в Большой, и нас быстро расписали. После «церемонии» поехали к моей маме, там за накрытым столом втроем и посидели. Мама преподнесла нам хрустальную чешскую ладью со словами: «Чтобы плыли в ней всю жизнь вместе!»

Большой театр? Мы тебя в армию сошлем в пять минут!»
Пытались надавить на Григоровича, пугали последствиями, но он был тверд в своем решении: «Годунов — талант, и он будет танцевать у меня».

А нашу совместную жизнь я вспоминаю как сказочный сон. Он был нежен, внимателен и... необыкновенен. Как-то однажды я уехала на гастроли в Канаду, и Саша мне звонил туда каждый день, вызывая порой даже со сцены. Мне без конца приносили от него телеграммы: «Люблю, тоскую, жду». Когда я вернулась, он собирался в магазин, заметив мимоходом: «Почитай там, на столе, мой дневник». Я заплакала, когда прочитала: «Не бросай меня! Если ты меня оставишь, я погибну». Думаю, некоторых примадонн театра, положивших на красивого Сашу глаз, его любовь ко мне выводила из себя. Хотя он мне ничего и не рассказывал, но по тому, как он раздражался при упоминании какого-то имени или вдруг без повода брал больничный, я понимала, что его достали повышенным вниманием. Он был талантлив во всем: прекрасно готовил, все время выдумывал какие-то немислимые блюда. Не подпускал меня к раковине с немытой посудой: «У тебя такие красивые руки, я сам». Жили мы далеко, машины не было, ездили на работу в метро, а так хотелось в красивой обстановке побыть, поэтому часто засиживались в ресторане «Будапешт» около Большого.

Однажды, когда мы вернулись после первых американских гастролей, нас встретила Фурцева. Расцеловала как родных детей и тут же спросила: «А где вы живете?» — «У нас однокомнатная на Юго-Западной». — «Вам позвонят». Через день нас вызвали в дирекцию театра и предложили посмотреть квартиры в новом доме, отстроенном для сотрудников Большого театра в Брюсовом переулке. Мы выбрали первый этаж. Ночью откры-

Многие говорили, что Саша выбрал Жаклин и за то, что она необыкновенно напоминала ему Милу... (Жаклин и Людмила в доме у Андриса Лиепы)

Сашин уход до сих пор окутан тайной. Его обнаружила на четвертый день сидящим в кресле медсестра, которая приходила делать уколы

Бывший муж сразу же после развода ушел из театра и нашел другую партнершу. Между прочим, когда Саша умер, вечер его памяти в Пушкинском театре устроил не кто иной, как Слава Власов.

— **Сколько лет вы с Годуновым прожили вместе?**

— ОКОЛО ВОСЬМИ, И СТОЛЬКО же лет он блистательно выступал на сцене Большого. Он — гениальный танцовщик, которому Бог дал абсолютно все — идеальную фигуру и блестящие актерские данные. Ему многие завидовали, а он всеми восторгался и, глядя на танцующего премьера, мечтал: «Милочка, неужели я когда-нибудь станцую, как он?» Саша и не подозревал, что давно уже танцует лучше. Он очень быстро стал ведущим артистом, станцевав Принца в «Лебедином озере» в 21 год!

В Большой театр его пригласил Юрий Григорович, но уже тогда чиновникам Годунов внушал страх: «Слишком ярко, талантливо и красив — сбежит!» Наверху с ним говорили грубо, может, еще и потому, что он никогда ни перед кем не прогибался и не заискивал. «Какой тебе

вали в спальне настезь окна в заросший зеленью и цветами дворик. Никаких решеток, тишина кругом. И просыпались, счастливые, под пение птиц...

Несколько лет назад, летом, мне как-то позвонил Андрис Лиепа: «Жаклин приехала на Московский фестиваль и очень хочет вас видеть. Как вы, Людмила?» — «Конечно!» На следующий день я подошла к дому Андриса и с волнением поднялась по лестнице. Когда нас представили, мы с Жаклин молча кинулись друг к другу и долго стояли обнявшись. Потом пили шампанское и вспоминали Сашу. Все вместе пошли в церковь неподалеку от нашего дома, где батюшка отслужил молебен по Саше. Мы отстояли панихиду, у Жаклин лились слезы ручьями, после обряда она задержала меня и шепнула на ухо: «Всю жизнь он любил только тебя». Она мне показалась очень искренней и совершенно открытой. Жаклин ничего не рассказывала о Сашиних трагических метаниях в эмиграции, больше расспрашивала о его жизни здесь. До встречи со мной она попросила показать ей в Большом театре его примерку, сцену, без кото-

Сейчас я работаю хореографом в спортивных танцах на льду

— Может, зря он повторил «маршрут Барышников», такой трагичный для себя...

— Саша ничей маршрут не повторял: свою судьбу он выбрал сам. Я думаю, что Барышников меньше всех был заинтересован в том, чтобы Саша остался в Америке. Зачем ему такие конкуренты? Да и особыми друзьями они не были. И тем не менее Годунов стал танцевать в Американском балете, которым руководил Барышников. С великолепными партнершами Натальей Макаровой и Евой Евдокимовой он объездил весь мир. Прекрасные рецензии, поклонники, успех! И вдруг внезапно контракт с Годуновым расторгли. У него ведь был сложный характер, он знал себе цену. Годунов был звездой и считал, что ему не нужно ничего и никому доказывать. Но мир балета жесток. Саша заметался, кинулся в кино, сыграл небольшие роли в «Свидетеле» и в «Крепком орешке», но стать звездой в Голливуде не получилось. Параллельно пытался открыть свою балетную школу, но безуспешно. Два года вел программу на телевидении «Годунов: мир, где есть место танцу». Наконец получил главную роль в фильме «Зона», где по сюжету танцует зажигательную «Цыганочку». Но все оборвалось...

Вот уже пять лет прошло со дня Сашиной смерти, а его уход до сих пор окутан тайной. Его обнаружила на четвертый день сидящим в кресле медсестра, которая приходила делать Саше уколы. Врачи не нашли ни следов насилия, ни травм, ни признаков алкоголя или наркотиков в крови. Вскрытие же запретила делать его секретарь Арлин, которая, кстати, и развеяла прах Годунова над океаном. Как она заявила Сашиним русским друзьям, «он сам велел мне это сделать». Огромную двухкомнатную квартиру опечатала полиция, на одном из балконов, выходящих на сверкающие буквы «Голливуд», остались сохнуть в кадках русские березки. Саша умер в 45, но тем не менее успел составить завещание, которое вскрыли только через 2 года и по которому родственники в Риге (мама, брат и племянники) смогли получить какую-то часть наследства. Исчез его личный архив, раздарены посторонним людям вещи. Бродский написал в некрологе, что «он не прижился и умер от одино-

Секретарь Годунова Арлин развеяла его прах над океаном. Как она заявила Сашиним друзьям, «он сам велел мне это сделать»

рой, как оказалось, он так и не смог жить. Мне кажется, она очень его любила и старалась понять, чего он лишился. Хотела увидеть женщину, которую он когда-то любил, и места, где был счастлив.

После панихиды священник, сказав, что душа Саши наконец успокоилась, передал мне церковную земельку с крестом. Я позвонила вдове Сашиного учителя Ермолаева и, получив ее согласие, захоронила к нему в оградку. На Введенском кладбище рядом с могилой Алексея Николаевича теперь стоит камень, который, как мне кажется, передает Сашин сложный характер, его твердость, шероховатость и многогранность... На камне написано «Александр Годунов. Ты всегда с нами».

чества». Думаю, очень точно сказано. Саша исчез, растворился в космосе, как яркая комета, и не оставил на Земле после себя ничего.

— Скажите, сейчас, когда прошли годы, вы не жалеете, что тогда не остались с ним в Америке?

— Поверьте, это было трудное, но выстраданное решение. Я знаю, что 99% женщин, представляя себя на моем месте, скажут, что они бы остались. Но судить легко... Саша знал, как я люблю маму, посвятившую мне и брату жизнь, но надеялся, что я все-таки выберу его. Наших друзей до сих пор мучает вопрос: «Что было бы, если бы я не улетела? Остался бы он жив?» Думаю, это может знать только Бог.

Беседовала Ирина Зайчик